

18+

Мармышев Валерий
Вереск у моря

Валерий Мармышев

Вереск у моря

«Издательские решения»

Мармышев В.

Вереск у моря / В. Мармышев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505132-5

«Вереск у моря» — первый сборник молодого автора. Тонкий психологизм, неподдельный лиризм, реалистичная глубина образов, мягкая ирония — вот отличительные черты, присущие его рассказам. Яркие, неожиданные — они заставляют задуматься о невероятных поворотах человеческой судьбы, о чувствах, поступках, которые и делают каждого из нас Человеком.

ISBN 978-5-00-505132-5

© Мармышев В.
© Издательские решения

Содержание

Подобие Бога	6
Вереск у моря	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вереск у моря

Валерий Мармышев

© Валерий Мармышев, 2020

ISBN 978-5-0050-5132-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подобие Бога

– Мистер Уайт! Мистер Уайт! Кажется, у нас есть нужные результаты! – взволнованный голос, доносившийся из пластины телефона, принадлежал Тому Холлу, который остался в лаборатории в ожидании результатов анализа по исследованию плазмоядерного луча. – Прилетайте скорее!

– Да Том, уже вылетаю, буду минут через пятнадцать-двадцать.

Гэбриэл Уайт завершил вызов и, сев на кровати, выгнул переутомленную спину, которая с глухими щелчками позвонков приняла свои анатомически приемлемые изгибы. Покрутив головой из стороны в сторону, разминая шею, он охватил взглядом панораму комнаты с разбросанными вещами, картинами с морскими пейзажами и кораблями, уносимыми ветрами вдаль к бескрайнему горизонту. Глаза мельком зацепили тумбу с открытым верхним ящиком, из которого свисали, переплетаясь в канат, рукава рубашки, и, скользнув взглядом по огромному цветку в углу, Гэбриэл бессмысленно уставился в окно, силясь разглядеть неясные очертания объектов в темноте бархатной ночи. Наконец, скинув дремоту с глаз, Гэбриэл глянул на светящиеся на руке часы и с неудовольствием заметил, что его разбудили в его самое нелюбимое время: в 3.25.

– Как же так? Можно было бы хоть в этот день не причинять мне боль?

Выдохнув из себя воздух вместе с раздражением, он встал с кровати, быстро убрался в квартире – он терпеть не мог беспорядок, а в этот день тем более не хотел оставлять после себя такой бардак. Умываясь после непродолжительного четырехчасового сна, Гэбриэл все время рассматривал свое лицо в отражении зеркала, отмечая неуловимые изменения, произошедшие за последний год. Несмотря на тяжелую напряженную работу, он все еще выглядел молодо: глаза все такие же яркие, правда, все же немного потускнела их голубизна, постепенно наполняясь ледяной серостью, неостриженные волосы приближались к середине лба, некоторые волоски стремились коснуться ровной линии бровей. Нос чуть вздернутый кверху, как у ищейки, учуявшей добычу, и немного тонковатые для такого лица губы, которые всегда немного раздражали Гэбриэла. Одев чистые черные брюки и футболку и натянув тонкую кожаную куртку, он вышел во двор. Не успел Гэбриэл сделать и пары шагов, как приступ тошноты и головокружения заставил его метнуться обратно в дом.

– Вот черт! Как можно было забыть оксишлем!?

Надев оксишлем, висевший на крючке около двери, и проверив состояние кислородного нагнетателя, он снова вышел наружу. Подняв голову вверх, Гэбриэл с удовольствием отметил, что небо, которое показывалось в своей первозданной чистоте довольно редко, сегодня сияло миллиардами пустынных галактик, и ни единое облако не нарушало покой вселенской пустоты. Завороженный этим зрелищем, он стоял, запрокинув голову назад, и чувствовал, что спокойствие постепенно снова поселялось в его душе. Сделав еще один глоток безмятежности, Гэбриэл направился к своему сьюверу – раритетному аппарату со спортивным дизайном, гармонично сочетающим в себе резкие и плавные линии, создававшие великолепные аэродинамические формы. В движение аппарат приводился четырьмя винтовыми двигателями, расположенными у днища машины и вращающимися вокруг своих осей, что придавало аппарату отменную управляемость.

– Сейчас таких красоток уже не выпускают, все предпочитают более компактные и менее шумные флайеры на плазмовой тяге. Глупцы! – налюбовавшись сьювером, Гэбриэл Уайт сел в машину и запустил двигатели, которые, развевая под собой пыль и сухую листву, набирали обороты. Он пристегнул четырехконтактный ремень безопасности и взялся за руль. Плавным нажатием ноги на педаль мягко приподнял сьювер над землей.

– Система контроля кислорода стабильна, – проговорил мягкий женский голос бортового компьютера.

Гэбриэл с облегчением снял оккислем – по правилам этого делать нежелательно, но он ненавидел управлять машиной в шлеме. Уайт нажал сильнее на педаль и резко повернул руль, скьювер взмыл вверх, выполнив эффектный вираж в пустынном небе. Дом Гэбриэла располагался в отдалённой части города и уютно размещался на краю обрыва, под которым расстился Бэксити. Спикировав вниз и задав эшелон полета, Гэбриэл спокойно повел аппарат в сторону лаборатории.

Он летел над ночным городом, чувствуя, что в последний раз наслаждается этим видом.

– Странно как-то это всё. Раньше я терпеть не мог этот город, а теперь с таким упоением смотрю на него и не могу насмотреться! Эти стройные ряды домов подо мной, такие чистые и лощенные, всегда вызывали у меня отвращение. Как и их жители, выходявшие по утрам на улицы, рьяно натирающие и без того чистый асфальт дорог и тротуаров, как будто теперь это что-то изменит. Такие приветливые и терпимые друг к другу, такие внимательные и заботливые... какой теперь в этом смысл? Где же вы были раньше, когда наша планета молила о пощаде? – Гэбриэл с накатившим на него отвращением вперился взглядом в горизонт, туда, где рваные хлопковые облака, постепенно заволакивали темное небо и скрывали пепельные горы, прежде покрытые пышными лесами. Всё, до самого края города, было освещено фонарями, и повсюду мерцала реклама, создавая иллюзию безмятежной жизни, в которой теперь было так мало смысла. Власти города из последних сил пытались убедить жителей, что все не так плохо, что близятся перемены, и человечество вновь обретет былое величие! Не будет никакого величия. Бэксити – единственный уцелевший город на Земле. Только мы и умирающая планета. И когда жители узнают, что они обречены, от былой дружелюбности не останется и следа. Новая волна насилия и бесчинств прокатится по крупицам человечества. Раздумья Гэбриэля Уайта прервал вид торчащей в центре города трубы атомной электростанции, на которой мигали красные высотные огоньки. – Для чего этот памятник былого? К чему было оставлять это нагромождение бетона в качестве действующего музейного экспоната? Ведь уже давным-давно разработаны стабильные плазматоры, – при этой мысли по лицу Гэбриэля проскользнуло выражение печали и боли. Снова вспомнилось, что его разбудили в 3.25, и то, что для него значило это время.

Это было время утраты. Десять лет тому назад, Гэбриэл Уайт, молодой, амбициозный двадцатитрехлетний парень в паре со своей женой Анабэль активно и без усталости занимался развитием плазматоров. Это был прорыв тысячелетия! Столько лет ученые всего мира бились над решением проблемы удержания и использования плазмы нового типа, и вот они – первые положительные результаты. Вконец вымотавшись от многодневной напряженной работы, Гэбриэл отправился домой, чтобы немного поспать и уж затем сесть за написание отчета, вместо него на смену заступила Анабэль. Гэбриэл проснулся от сильного гула и толчка содрогнувшейся земли. В 3.25. Это было время, когда возникшие вследствие сдвига поля резонансные частоты расплавили оболочку плазматора и колоссальное количество неконтролируемой энергии, прежде чем плазма распалась, испепелило здание лаборатории и всю восточную часть города, оставив полыхающие останки домов. Анабэль, как и тысячи жителей, были уничтожены за долю секунды. Они даже не успели осознать, что произошло. Этот день навсегда вошел в историю человечества как Великая Плазменная Ошибка... На лобовом стекле скьювера уже несколько секунд тревожно мигал красный значок. Гэбриэл, вынырнув из мрачных воспоминаний, резко потянул руль на себя. В миг скьювер замер на месте и в ту же секунду заработала система аварийной компенсации движения, создавая для пилота ощущение полета и постепенно уменьшая тормозную перегрузку. Мимо скьювера на полном ходу промчался длинный товарный грузовоз. Дождавшись, пока тот пролетит мимо, и загорится сигнал, разрешающий двигаться дальше в заданном эшелоне, Гэбриэл снова набрал скорость.

Вот, наконец, вдалеке показалось здание лаборатории, стоящее на берегу широкой реки, которая, впрочем, уже сильно измельчала за последние несколько лет. Стеклоздание в форме огромной капли очень отчетливо и красочно выделялось днем, ночью же с легким искажением отполированной поверхности окон отражало светящийся разноцветными огнями город, а верхняя часть его была и вовсе не видна в темноте небосвода. Лишь сигнальные огни вышки, находящейся на крыше здания, давали понять, какой оно высоты. Рядом со зданием располагались высокие ряды полуколец гравитационной парковки. На лобовом стекле сьювера вспыхнула зеленая стрелка, указывающая индивидуальную траекторию полета на свободное парковочное место. Повинуясь указаниям бортового компьютера, Гэбриэл сделал вираж и совершил вертикальную парковку прямо посередине кольца на место 05И—25. Как только сьювер коснулся поверхности парковочной площадки, в работу включилось искусственное гравитационное поле. Надев оксислем, мистер Уайт вышел из сьювера и направился к лифту.

Спускаясь вниз в стеклянной капсуле лифта, Гэбриэл рассматривал небольшой хвойный лесок, который отчаянно противостоял «капризам» природы, изо всех сил стараясь произвести как можно больше кислорода, которого, к сожалению, катастрофически не хватало.

– Если бы мы не упорствовали в своем безжалостном отношении к природе, если бы мы все понимали, что мы творим – этого можно было избежать. Но все было так, как было. И что мы теперь имеем? Мы погибаем из-за нехватки кислорода! Мы так к нему привыкли, что мысль о дне, когда мы будем умирать от его недостатка, казалась бредом душевнобольных! Теперь же половина поверхности планеты выжжена войной, три четверти растительности погибло, а та что осталась, не способна в полном объеме вырабатывать кислород из-за постоянно меняющихся температур и пепельных облаков, берущих свое начало у кратеров пробудившихся от древней спячки вулканов. Планета почти мертва, – при этой мысли мистер Уайт невесело улыбнулся. – Я помню еще те времена, когда все грезилось полетами на другие планеты, верили в возможность их колонизации. Верили в способности человека к эволюции. Небывалая волна технологических и научных свершений окутала планету, сердце которой вскоре отказало как у давно болеющей старушки. Все верили, что мы, люди – вершина эволюционных свершений, все исправим или, по крайней мере, успеем улететь отсюда. Эти утопические мечты были расколоты реальностью на мелкие части, ранившие каждого жителя Земли и оставив им шрамы безнадежности. Достигнув ближайшей возможно обитаемой планеты, всех постигло разочарование. Человек не сможет обитать на ней из-за содержания в атмосфере планеты неизвестного ранее газа Глизия. Открытие нового элемента периодической таблицы ни у кого не вызвало восторга. Токсичность газа оказалась невероятно велика, а его количество при спектральном анализе планеты принималась за несущественную погрешность. Человечество потратило десятилетия на поиски и исследования новых планет, но безуспешно. До некоторых даже не удавалось долететь – в полете люди не выдерживали и сходили с ума. Всё, что оставалось это медленно умирать от удушья.

– Нулевой этаж.

Гэбриэл вышел из лифта и снял оксислем. Пройдя добрую сотню метров по белоснежному освещенному коридору, он повернул налево, к служебной лестнице, ведущей на минус первый этаж. Преодолев еще один коридор, мистер Уайт увидел в его конце массивную металлическую дверь. Не снижая скорости ходьбы, он скорчил смешную гримасу, но датчик распознавания лиц и зрачков всё равно сумел выполнить свою функцию и в последнюю секунду распахнул дверь перед человеком, известным для него как доктор Уайт.

Зайдя после ярко освещенного коридора в помещение с сильно приглушенным светом, Гэбриэл замер на месте, растирая глаза, не привыкшие к полутьме. Как только перестали мелькать болезненные вспышки миниатюрных фейерверков и исчез высеченный светом образ коридора, он разглядел в помещении, похожем на огромный купол древнего храма, электромаг-

нитное кольцо, оборудование на высоком постаменте и стоящий чуть в стороне от него стол. Над столом, сосредоточившись на работе, склонились мужчина и молодая девушка. Светлые отблески экранов вычерчивали силуэты их лиц, выделяя тенью образовавшиеся от изнуряющей работы морщины усталости. Гэбриэл, уже привыкший к полумраку, направился в их сторону, нарочито громко ставя ногу полной стопой на гладкий, отражающий пространство зала, пол, чтобы не испугать коллег своим появлением. Вопреки всем принимаемым мерам для заявления о своем присутствии, стоило ему приблизиться вплотную к столу, как мужчина, вздрогнув, отступил на пару шагов назад с выражением ужаса на лице. Девушка вскрикнула и, схватив мужчину за локоть, спряталась за его плечо.

– В чем дело Том? – произнес Гэбриэл, чувствуя вину за испуг друзей.

– М-м-мы думали, ч-ч-что это они приехали, – ответил мужчина вздрагивающим в такт с пульсом голосом, смотря в темноту слепым котенком и только по голосу узнав Уайта.

Том Холл, коллега мистера Уайта, говорил о «спонсорах» исследований – нескольких влиятельных людях, которые в последние для планеты мгновения жизни хотели заполучить в свои окровавленные руки путь к спасению их мерзких душонок. Весь последний год они выделяли немалые суммы (даже сейчас все еще подчиняются деньгам) для разработки ничего иного как временного перемещателя. Разумеется, ученые понимали, что им это нужно не для массового спасения обреченных жителей Бэксити.

– Ты им позвонил? – чувствуя нарастающий в нем гнев, произнес Гэбриэл.

– Они сами позвонили! – вспыхнула Молли Браун, выступив из-за спины Тома и уже забыв об испуге. – Сразу после звонка Тома тебе. Сказали, что собираются заехать к нам, мол, у них есть полезная для нас информация.

– А вы что им сказали? – немного остыв и коря себя за недоверие к друзьям, спросил Гэбриэл.

– Мы сказали, что собираемся домой и лучше бы нам встретиться утром, но они настояли, чтобы встреча произошла сейчас, – пробурчал Том оскорбленный выпадом коллеги.

– Не обижайся, друг мой, – примирительно начал Гэбриэл, – мы все на взводе из-за работы.

Том еще пару секунд хмуро смотрел из-под грозных кустистых бровей очерченных сверху широкой морщиной лба, чуть прикрываемой длинными темными волосами, а затем расплылся улыбкой, от чего лицо принимало форму правильного круга и наполнялось той энергией, которая присуща младенцам. Том всегда был отходчивым.

– Они всё знают, – уверенно произнес Гэбриэл, – иначе бы подождали с приездом до утра.

– Но откуда? – растерянно проговорила Молли.

– Ладно тебе, Молли. Они все время наблюдают за нами. Будем действовать по нашему плану. Времени ждать нет.

– Думаешь, у нас получится? – забеспокоился Том, похрустывая суставами пальцев.

– Выбора нет. – Гэбриэл взглянул на часы, – у нас не более пятнадцати минут до их прилета, так что давайте посмотрим результаты и подготовимся.

Гэбриэл приступил к изучению стопки бумаг, подготовленных его коллегами, быстро пробегая по строчкам записей и столбцам чисел, время от времени останавливаясь и возвращаясь на пару страниц назад, чтобы свериться с прошлыми отметками. Том и Молли торопливо рассыпались в разные стороны: Том подключал оборудование для запуска электромагнитного кольца и проверял стабильность плазматора, Молли же, в свою очередь, взбежала на постамент с размещенными на нем столом для перемещений, одним краем входящим в кольцо, и тремя громадными «клещами-разрывателями», настройкой которых она и занялась.

– Все готово, – доложил Том.

– И у меня, – отчеканила Молли, тонким пальцем потерев переносицу, и, подперев руками спину, с любопытством ждала, что скажет Гэбриэл.

– Отлично. Результаты и впрямь хороши, ребята! – Друзья довольно переглянулись. Время пришло. – Через пять минут начнем, я побуду у себя в кабинете – мне нужно подготовиться.

Том и Молли понимающе кивнули головами.

Зайдя в свой кабинет, Гэбриэл плотно прикрыл дверь и, сев на стул, закрыл ладонями лицо, вонзив острые локти в колени. Повисшую тишину прорезал тихий всхлип. Гэбриэл, после утраты Анабель, всегда стремился к этому моменту, но теперь, когда он стал настолько осязаем, как лежащая на столе книга или стоящий в углу горшок с цветком, он испугался. Время, отведенное на подготовку шло, а руки, по которым стекали вниз струйки слез, подрагивали в такт всхлипываниям и прижимались все плотнее и плотнее к лицу. Гэбриэл боялся не перемещения во времени и того, что он окажется далеко от своих друзей и комфорта нынешней жизни. Он знал, что не пройдет через временной разрез живым и невредимым. Он, как и Том, и Молли, узнал это еще несколько месяцев назад, когда им удалось произвести первые замеры. Ни одно физическое тело не способно преодолеть временное пространство, на это способно только одно состояние материи – душа. Душа должна проскользнуть по тонкой грани эпох и угодить в развивающийся человеческий зародыш в чреве матери. Шансы выжить были чрезвычайно малы.

– И все же они выше, чем у тех детей, которые уже погибли, и которым не суждено появиться на свет по нашей (и моей) вине, – промелькнуло в голове Гэбриэля. Мысль эта действовала на него отрезвляюще. Оторвав руки от влажного, пропитанного слезами лица, он протянул руку к лежащей на столе книге. В ней он собрал всё мудрое и полезное, что оставило после себя человечество. Несколько месяцев он корпел над этой книгой, исписывая стопки листов, некоторые из них время от времени превращались в исчерканные комья, наполняющие корзину. И вот теперь Гэбриэль точно знает, что именно и как он должен поведать людям, чтобы они больше не повторяли ошибок будущего. Теперь его душа – это источник мудрости. Теперь он будет подобием бога для людей древности. Вернее, для них он и будет богом.

Повторив то, что он и так уже знал наизусть, Гэбриэл встал со стула, подошел к двери и, сделав глубокий вдох, решительно распахнул её. Том и Молли стояли у стола в ожидании его появления.

– Я готов. Включайте..., – слова Гэбриэля были заглушены мощным ударом в дверь. Эхо, многократно отражаясь от высоких сводов купола, с силой надавило на перепонки.

– Том! Почему дверь заперта? Немедленно открывай! – донесся голос «спонсора» из-за металлической преграды.

Гэбриэл рванул к столу на постаменте, на бегу срывая с себя куртку. Молли устремилась за ним, а Том приступил к запуску устройства.

– Гэбриэл! Мы знаем, что вы затеяли! Лучше откройте эту чертову дверь! Слышишь меня!?! – Завопил «спонсор».

Гэбриэл лег на стол, а Молли подключила к рукам датчики. Внизу, под полом лаборатории, загудел, набирая мощь, плазматор.

– Взрывайте к чертям эту железяку, – отдал распоряжение «спонсор» своим подопечным.

Молли рванула к блоку управления, схватила тонкий синий шнур и, бегом вернувшись к Гэбриэлю, обвязала им его тело. Другой конец шнура был закреплен на блоке памяти с информацией о разработках перемещателя. Его Гэбриэл должен был унести с собой – без этого блока работа аппарата невозможна.

– Все готово! – крикнул Том, который только что выставил дату перемещения и теперь на экране светилась надпись: 0000 год.

За дверью послышались шелчки устанавливаемых зарядов.

Молли ласково посмотрела в глаза Гэбриэлю и, поцеловав его своими нежными губками в лоб, произнесла, – удачи! Спаси их! – Она развернулась и отошла к пульту управления.

– Запуск! – крикнул Том и нажал на кнопку.

Внутри электромагнитного кольца плазмоядерные лучи, с тихим треском вырвавшись из «клещей-разрывателей», рассекли пространство, и Гэбриэл почувствовал, как его начало затягивать в неизвестность. Он посмотрел в сторону друзей, желая в последний раз их увидеть и навсегда запомнить их лица. Молли стояла на одной ноге, сильно выгнув спину, разинув рот в безмолвном крике и широко раскинув руки. Ее волосы, обдуваемые сильным ветром, давящим на её затылок, спутываясь, прикрывали лицо и рвались вперед. Том, прикрывая одной рукой лицо, замер, головой вниз в полуметре от пола и высоко задрал ноги. За друзьями была видна плотная пелена ударной волны, покрывающая матовой рябью воздух и разрывающая встречные предметы на части. Вместо двери зияло отверстие, и повсюду разлетались полыхающие капли расплавленного металла. В светлом коридоре можно было, хоть и с трудом, разглядеть группу людей и искаженное яростью лицо «спонсора». Гэбриэл завис в невесомости, оказавшись на границе рвущих его в разные стороны прошлого и настоящего. Непреодолимая сила прошлого постепенно завладела трофеем и потянула его в свои объятия, обволакивая тело. Куски металла, меняя окрас и затвердевая, медленно поползли обратно на свои места, образуя прежнюю форму листов, петель, перегородок, и вскоре, слившись воедино, скрыли озлобленные лица. Волна схлынула, и Том, как и прежде, устойчиво стоит на ногах и выжидающе смотрит на Гэбриэля. Гэбриэл, все глубже ныряя во всеяющую страх бездну времен, видит себя, другого себя, лежащего на столе и нежные губы Молли произносящие напутственную речь, лениво растягивая слова, перебегая от буквы к букве, и целующие его лоб. Через мгновение всё померкло, и вот Гэбриэл, уже в кромешной тьме, невластный над своим телом, скользит по грани времен. Его тело с каждым мгновением все сильнее и сильнее сжимается и вытягивается. Он уже ничего не чувствует. Нервные импульсы не доходят до мозга, но он видит, как с него слой за слоем слезает кожа, обнажая внутренности и натянутые на скелет мышцы. Он видит как всё его трепещущее от страха существо, то, чем раньше был он, разрезается лезвием минувшего. Кости, не выдерживающие натиска, растираются в пыль и растворяются где-то там, в неосознанной и неощутимой тьме. Теперь он нечто иное, чем человек. Он мысль. Он душа. Еще мгновение – и он разум, сошедший в тело тонкой светящейся нитью. Он чувствует оболочку, дышащую и пульсирующую, впитывающую жизненные соки. Теперь он снова человек. Теперь осталось только ждать света – верного знака, что родилось дитя, которому суждено стать подобием Бога...

Вереск у моря

Мокрая, подпернутая гнилью листва, на мгновение вдавленная подошвой ботинка в сырую землю, яростно цеплялась к ней, создавая скользкую противную массу. Штаны, с налипшими на коленях кусками грязи, свидетельством неоднократного падения, покрывались все новыми и новыми рыже-коричневыми пятнами. Легкие отчаянно сжимались и разжимались, устало втягивая сырой туманный воздух. Глаза на молодом лице, покрытом морщинами страха и паники, подернулись влагой, из-за которой с трудом можно было разглядеть укутанный белесой пеленой лес. Где-то там, позади бегущего парня, послышался победный лай одичавшего пса, нашедшего в этом молочном безумии след своей добычи.

Молясь и рыдая, парень перепрыгнул ствол упавшего дерева и вырвался из гнетущей тишины леса. Под ногами захлюпало, а по штанинам зашелестели стебли вереска, все дальше и дальше затягивая беглеца в залитую белизной пустошь. Парень оскользнулся и упал. Он попытался встать, но ослабленные бегом и страхом ноги отказались повиноваться, лишь безвольно заскользили по грязи и стеблям, оставляя после себя колеи, тут же заполняющиеся противной жижей. Парень отчаянно всхлипнул и, обернувшись, увидел, как из леса вынырнул огромный пес, рассекающий своим черным как уголь носом клубы тумана. Бедолага взвизгнул и, рыдая, принялся рыскать по карманам в поисках спасительного предмета.

Пес, окрыленный своей победой и властью, триумфально шагал к жертве, агрессивно пригнув голову и обнажив желтоватые клыки. Парень закричал и взмолился, чувствуя приближение боли и смерти. Что-то хлопнуло позади него. Щелчок и гром. Пес жалобно взвизгнул и заскулил. Снова бахнуло, и безжизненная туша, покрывшись бурыми ручьями, повалилась в зловонную жижу верескового поля. Парень растерянно смотрел на пса, выпускающего последние струи воздуха из ноздрей.

– Ты как, сынок? – раздался голос из-за спины.

Парень вскрикнул, обернулся и чуть отполз на четвереньках в сторону. Перед ним стоял старик в сдвинутой чуть назад теплой шапке болотного цвета и в охотничьей куртке. Светлоголубые глаза на морщинистом лице тревожно рассматривали несчастного. Старик покопался в кармане и извлек пару патронов. Хрустнув ружьем, он неторопливо вставил патроны и, хрустнув еще раз, взвалил ствол оружия на плечо.

– Вставай, дружок, тут еще несколько таких тварей бегают, а у меня с собой патронов маловато.

Все еще не веря своему счастью, парень с трудом встал на ноги, неуклюже оскальзываясь.

– Ну, пойдём, – сказал старик, махнув рукой куда-то в туман и, не дожидаясь парня, зашагал в указанном направлении, едва заметно прихрамывая.

Парень еще раз глянул на остывающий труп пса и поспешно захлюпал ботинками вслед за стариком, растворяющимся во мгле.

Идти пришлось недолго. Спустя всего пару минут пути послышался легкий рокот бьющегося о камни моря, и солоноватый ветер ударил в лицо. Из тумана выступили смутные очертания кирпичного двухэтажного домика с черепичной крышей, покрытой темно-зелеными бугорками мха. Справа от дома проступал нечеткий край обрыва, упирающегося в море, и покосившаяся от времени и непогоды лавочка.

Старик несколько раз шаркнул ногами перед дверью, убирая куски налипшей грязи и, посмотрев на испорченные лесным бегством ботинки парня, взглядом посоветовал ему сделать то же. Спасенный незамедлительно начал елозить подошвами о край каменного порожка. С трудом выковыряв пальцами остатки грязи, парень шумно выдохнул и последовал за только что зашедшим в дом стариком. Хозяин проворно разулся и, накинув куртку на крючок у двери, чуть пошаркивая ногами и прихрамывая, обошел стоявший в центре гостиной круглый дере-

вянный стол, попутно любовно прошуршав старыми пальцами по потрепанным переплетам книг, греющихся на полках теплом тлеющих в них историй, и, наклонившись около пылающего жаром камина, запустил руку куда-то подле кресла.

– Ну, как ты? – спросил старик.

– Уже лучше, – ответил парень, с трудом справляясь со шнурком правого ботинка.

– Ой, прости сынок! Это я обращался к своей собаке.

Парень наклонился чуть в сторону и увидел большую корзину, в которой лежал старый лабрадор, прежде скрытый от взора столешницей. Пес часто дышал и печально, даже немного виновато, смотрел на старика.

– Её зовут Лора. Приболела немного на днях, чем-то отравилась, – сказал старик, поглаживая бедолагу по белесой шерсти. – Ну, ничего, родная, выживем! Ты держись! Я ведь только ради тебя и живу на свете.

Собака, будто поняв слова хозяина, тихо заскулила и подвинула ближе лапу.

– Ну, ... а тебя как звать-то, сынок? – спросил старик, дружелюбно смотря на парня.

– Меня зовут Билл, – ответил парень, наконец-то справившись с ботинками, которые теперь стояли на коврикe, сплевывая на него остатки грязи.

– Я гляжу, ты весь промок. Пойдем, я покажу тебе комнату для ночлега, – старик отставил в сторону ружье и торопливо зашуршал к лестнице, ведущей на второй этаж. – Там и одежда для тебя будет, а эту хорошенько просушим и почистим. Правда... – старик глянул на парня через плечо, – одежда будет тебе немного маловата, зато сухая! – старик довольно хмыкнул. – Меня зовут Джек, если что.

Старые потертые ступени лестницы заскрипели под тяжестью подошв старика и приглушенно захлопали под мокрыми носками парня, повсюду оставлявшего стекающие и падающие с него капли. Джек открыл первую же дверь и, щелкнув выключателем, зажег свет в небольшой комнатке с аккуратно заправленной кроватью, тумбочкой с простым светильником и миниатюрным письменным столом.

– Ты располагайся, – сказал старик. – Оставь мокрую одежду тут и прими душ. Он там, дальше по коридору, а я принесу тебе одежду.

Старик зашуршал в соседнюю комнату и, достав из шкафа футболку, штаны, носки и теплый свитер, вернулся в комнату гостя. Билл уже успел скинуть мокрую одежду и, как только старик вошел, быстро спрятал что-то под взбитую подушку.

– Ох! Сынок, ты можешь не переживать за личные вещи, здесь их никто не тронет, – успокоил старик парня.

– Извините, я не хотел вас обидеть, – залепетал Билл, – просто привычка. Там фотография моей девушки и ...

– Не переживай, я понимаю. Как говорится «доверяй, но проверяй», – хихикнул старик. – Иди, мойся, я пока вскипячу чайник.

Втиснувшись в футболку и штаны, Билл накиннул на себя свитер, оказавшийся довольно просторным для него. Полноценно заскрипев досками ступеней, он спустился вниз и остановился у круглого стола в центре гостиной.

– Ты как раз вовремя, Билл! – сказал старик, выныривая с подносом из-за тонкой перегородки отделяющей гостиную от кухни.

Чуть звякнув чашками, Джек поставил поднос на стол и принялся расставлять все по своим местам.

– Садись, сынок, – жестом старик указал на стул возле камина. – Только будь аккуратен, не потревожь Лору.

Билл обошел корзину с собакой, с опаской взглянув на бедолагу – недавняя встреча еще не выветрилась из его памяти, но та посмотрела на парня взглядом приболевшего малыша, и сердце его в мгновение растаяло.

– Ну, расскажи мне, Билл, – начал старик, разливая чай по кружкам из блестящего от времени и заварки чайника, – как тебя занесло в эти края?

– Я заблудился. Я ехал в Бухту Свободы, там меня должны были встретить друзья. Мы собираемся отдохнуть, порыбачить и посетить Якорный Риф.

– Якорный Риф? Там красиво. Я сам там бывал несколько раз, – задумчиво произнес старик, улыбаясь своим воспоминаниям.

– Да, но только я из-за непогоды сбился с тропы и пошел через лес, а там этот сумасшедший пёс!

– Хех! Да, Билл, ты очень сильно сбился с пути! Отсюда до бухты 8 с лишним миль!

– Так много? – немного удивился парень.

– Да, сынок. Ну, ты не расстраивайся, все ошибаются, даже картографы, – авторитетно произнес старик, легонько ткнув себя пальцем в грудь.

– Вы были картографом, Джек? – заинтересовался Билл.

Да, я отработал картографом более сорока лет. Такая важная и интересная профессия, а главное спокойная и безобидная, – произнес старик, задумчиво смотря в чашку.

– А как вы пришли к этому? – с любопытством спросил парень, сделав большой глоток горячего чая, отчего все его нутро обдало жаром.

– Это произошло еще в годы войны, когда я попал в госпиталь из-за ранения, – старик приподнял правую штанину, обнажив кривой рубец шрама. – Хотя, если постараться, я могу вспомнить еще свои детские мечты.

Старик посмотрел в чашку. Белесый пар, закручиваясь вихрем, поднимался и медленно разрастался, измельчая в щепки стул под ним, отталкивая в сторону стол. Вся комната завертелась, растворяясь в теплом майском воздухе. Справа зашуршало раскрученное им переднее колесо велосипеда, чашка изогнулась и скрутилась в карандаш. Блюдце обмякло и стало блокнотом. Над головой зашумели дубовые ветви, играющие с ветром. Перед помолодевшим, десятилетним Джеком распростёрся шумный город.

Он сидел на траве и вглядывался в ровно торчащие стены здания, отделенные от этого безмятежного мира грузными и неказистыми крышами, источающими столбы пара из своих закопченных труб. Запомнив все хорошенько, он начал сосредоточенно выводить прямые линии кирпичных коробок и плавные силуэты окружающего ландшафта. Послышался шум скрипящих педалей и велосипедных покрышек. Джек вскочил на ноги и поспешно спрятал карандаш и блокнот в сумку. На дороге показались трое подростков, изо всех сил налегающих на педали. Завидев Джека, они подкатили чуть ближе и остановились.

– Так, так, а кто тут у нас? Джек! Снова гуляешь в одиночку? – язвительно произнес парень, остановившийся ближе всех. Двое его друзей весело загоготали. – А мы с ребятами как раз искали кого-нибудь, чтобы «поиграть»!

– А ты все никак не остановишься, Гэри? – ответил Джек, сурово сдвинув брови. – И как твоя гордость позволяет тебе драться втроем против одного? И есть ли она у тебя вообще?

Гэри побледнел. Его, прежде красивое молодое лицо с младенческим румянцем и густыми бровями, искривилось в злобной гримасе, отчего смольные волосы еще сильнее напоззли на темные глаза. Его друзья недовольно надулись.

– Взять его! – крикнул Гэри и яростно скрипнул зубами.

Джек проворно вскочил в седло велосипеда и, что есть сил, принялся крутить педали, стремительно набирая скорость. По волосам пробежал ветерок, майка вздулась, как кошачья спина перед дракой. Позади, сквозь скрип трех велосипедов, слышался крик Гэри, подгонявший своих товарищей. Не чувствуя ног, Джек продолжал крутить педали. Ворвавшись на улицы городской окраины, Джек принялся лихо вилять между прохожими, не обращая внимания на их недовольные окрики и причитания. Оглянувшись на мгновение, он заметил, что преследователи чуть отстали. Неожиданно возникший перед ним мужик, толкавший огромную тачку,

нагруженную песком, заставил Джека вскрикнуть и резко рвануть руль. Залетев в ближайший переулок, он чудом избежал столкновения. Крутанув несколько раз педали, он уперся в кучи мусора и высокие кирпичные стены зданий. Позади послышался радостный гогот преследователей.

Хулиганы соскочили со своих велосипедов и с кулаками налетели на свою жертву. Джек лихо наносил удары по своим противникам, но их численное превосходство все равно дало о себе знать. После очередного удачного выпада Гэри, Джек повалился на кучу мусора. В отчаянии, взревев как зверь, загнанный в угол, он схватил булыжник и, вскочив на ноги, наотмашь ударил обидчика. Раздался крик, и окровавленное лицо Гэри стремительно приблизилось к земле. Два его товарища замерли на местах с занесенными над Джеком кулаками. Тот замахнулся на них рукой с камнем, и противники, бросив друга, наперегонки помчались к своим велосипедам и растворились с ними в городской суматохе.

Гэри лежал на земле. Из рассеченной брови струйкой стекала кровь. Он тихо застонал и приоткрыл залитые кровью глаза. Джек, тяжело дыша, стоял над ним, все еще сжимая в руке камень. На секунду их взгляды встретились, и он увидел, как глаза Гэри расширяются от страха. Джек отбросил булыжник в сторону и, подхватив поверженного обидчик под руки, поднял его на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.